

Ольга Таглина

Евгений и Борис Патоны

Есть люди, которые своим трудом и талантом внесли особо ощутимый вклад в развитие мировой науки. Евгений Оскарович и Борис Евгеньевич Патоны, несомненно, относятся к их числу. Уникальный масштаб их личностей проявился в научных открытиях, организаторском таланте, общественной деятельности. Достаточно сказать, что с 1962 года Борис Евгеньевич является бессменным президентом Академии наук Украины. Есть что-то символическое и даже мистическое в том, что дата рождения великого ученого — 27 ноября 1918 года, совпала с днем, который стал днем рождения Украинской академии наук. Так что Борис Евгеньевич Патон и академия, которую он возглавляет, являются ровесниками.

Евгений Оскарович и Борис Евгеньевич Патоны — выходцы из известного дворянского рода Патонов. Семейные предания объясняли происхождение столь редкой фамилии тем, что предков — корабельных мастеров — будто бы вывез из Голландии Петр I. Существовали, правда, и другие версии, в которых фигурировали Франция, Шотландия и даже Германия. Сами Патоны иностранцами себя никогда не считали, а их

семейной традицией было служение Отечеству и военная служба.

Борис Евгеньевич в одном из интервью так ответил на вопрос о происхождении своей фамилии: «Я и сам не знаю точно... Думаю, что повинен в этом Петр Великий. Он пригласил в Россию мастеровой люд из Европы. Мои предки строили корабли. А фамилия идет из Шотландии. По крайней мере, там много Патонов. Но они есть и в Америке. Разница только в том, что в одном случае пишется одно «т», а в другом — два. В 1960 году я был в Англии. Нас повезли в Глазго на завод. Мы встретились с главным инженером, и его фамилия была Патон. Забавно было... Где-то я читал, а может быть, и сам придумал — более глубокие корни у нас в Голландии... Я горд, что мои предки были люди достойные! Патоны всегда верно служили Отчизне. Я получил от предков главное — сплав характера. Это честность и любовь к независимости, это гордость, несовместимая с заискиванием, это требовательность к себе и фанатичная настойчивость в осуществлении намеченной цели! Это мое наследие, и лучшего мне не надо!»

Написание этой книги о семье Патон было бы невозможным без тех материалов, которые были собраны и опубликованы авторами и составителями издания: «Бібліографія президента НАН України

академіка НАН України Б. Є. Патона». (Відповідальний редактор академік НАН України І. К. Походня. Автори вступної статті академік НАН України І. К. Походня, академік НАН України В. К. Лебедев. К.: Наукова думка, 2008).

Іменно благодаря этой работе, а также книгам Б. Н. Малиновского «Академик Борис Патон: Труд на всю жизнь» (М.: ПЕР СЭ, 2002.) и Евгения Оскаровича Патона «Воспоминания» (Лит. запись Ю. Буряковского. К.: Гослитиздат УССР, 1955.) можно многое узнать о жизни отца и сына Патонов, об их высоких личных качествах, научной и общественной деятельности.

Прадед Бориса Евгеньевича, Петр Иванович Патон (1796–1871), воспитывался в корпусе колонновожатых. Участвовал во многих сражениях Отечественной войны 1812 года. «Формулярные списки о службе и достоинствах П. И. Патона» свидетельствуют, что еще 16-летним безусым мальчишкой в 1812 году Петр Патон уже служил в армии Кутузова: «Вступил в июне в отряд генерал-майора князя Репнина. Был в бою противу французских войск под мазой Клястица. В августе под Плоцком — за что пожалован орденом Святой Анны IV степени».

Участвовал юный Петр Патон и в знаменитом сражении у переправы через Березину, где погибла большая часть армии Наполеона, и в битве при

Фер-Шампенуаз, где 25 марта 1814 года кавалерия союзных войск разбила наполеоновские части, и в боях за Париж. Его смелость отметили — он был награжден медалью «за взятие Парижа».

В 1826 году Петр Иванович получил чин подполковника, в 1829-м стал полковником, а в 1838-м — произведен в генерал-майоры, а затем в генерал-лейтенанты. Его карьера военного шла успешно благодаря уму, мужеству и профессионализму.

Петр Иванович Патон многие годы состоял на действительной службе, принимал участие в Русско-турецкой войне 1828–1829 годов. Находясь на судах Черноморского флота, он участвовал в занятии форта «Лазарев» и во множестве других военных операций на восточном берегу Черного моря. За них он был награжден орденом Святого Владимира IV степени с бантом. В 1840 году Петр Иванович принимал участие в военных действиях на Кавказе, а в 1848-м во главе дивизии охранял галицийскую границу.

Многие годы Петр Иванович Патон руководил военным строительством на южных и западных границах государства. За долгую безупречную службу он был отмечен многими орденами и медалями. В его послужном списке — участие в десяти успешных военных кампаниях.

Завершил службу Петр Иванович генералом

от инфантерии и сенатором Российской империи. Он воспитал в своих сыновьях любовь к родине и верность воинскому долгу.

Таким был дед Евгения Оскаровича Патона, прадед Бориса Евгеньевича.

Отец Евгения Оскаровича, дед Бориса Евгеньевича, Оскар Петрович Патон, родился 2 ноября 1823 года и уже в 15 лет был зачислен на военную службу в Главное (Николаевское) инженерное училище. По семейной традиции всех мальчиков Патоны отдавали на военную службу, они становились офицерами гвардии. Своего первенца, Оскара, Петр Иванович Патон тоже отвез в Петербург. Надо заметить, что Главное училище было не только военным, но и инженерным, что со временем скажется на судьбе следующих поколений Патонов.

В 1843 году Оскар Петрович окончил курс наук в верхнем офицерском классе и был направлен на действительную службу в инженерный корпус. Служил он в лейб-гвардии конно-пионерского дивизиона, в учебной Гальванической команде, был командиром эскадрона, участвовал в Крымской войне. В 1854 году в составе Петергофского отряда Оскар Петрович Патон оборонял берега Балтийского моря под Красным Селом.

Родина высоко оценила его вклад в дело защиты государства. Оскар Петрович Патон —

кавалер орденов Святой Анны II и III степеней, Святого Станислава II степени, Святого Владимира IV степени. Он был награжден также кавалерским крестом ордена Почетного легиона.

После увольнения из армии Оскар Петрович Патон был направлен на службу по Департаменту уделов в чине надворного советника. В 1865 году он определен на службу консулом в Ниццу, а затем в Бреславль (ныне — польский Вроцлав). За выслугу лет определением Правительствующего сената 25 августа 1875 года он был произведен в статские советники со старшинством.

Оскар Петрович сделал блестящую военную и светскую карьеру, ничем не уступая своему отцу, с которого всегда брал пример.

Супруга Оскара Петровича, Екатерина Дмитриевна Шишкова, подарила мужу семерых детей. Их сын Евгений родился в Ницце 20 февраля (5 марта) 1870 года. Об этом есть соответствующая запись в свидетельстве, выданном российским консульством в Ницце 2 (14) мая 1888 года. 29 марта (11 апреля) 1870 года он был крещен. Восприемниками (крестными) были: Его Императорское Высочество великий князь Вячеслав Константинович и Ее Императорское Высочество княгиня Александра Иосифовна, место которой заступила фрейлина графиня Келлер. Таким образом, крестные Евгения Патона были из

императорского дома Романовых. К счастью, в годы массовых сталинских репрессий этот документ тихо лежал в архивах, никем не востребованный.

Кстати, ничего необычного в общении с царской семьей для семьи Патон не было. Русская диаспора в Ницце была довольно большой, поскольку место, где часто пребывала царская семья, стало модным и у русских путешественников, о чем свидетельствует и наличие русского консульства в Ницце.

Когда Борису Патону журналисты задали вопрос о том, крестил ли его отца великий князь Вячеслав Романов, он ответил, что это действительно правда. Его дед, Оскар Петрович Патон, был консулом Российской империи в Ницце. Там в марте 1870 года у него родился сын Евгений. Тогда на французские курорты съезжалась вся российская аристократия. Неудивительно, что крестным младенца оказался великий князь. Правда, в действительности его кто-то замещал. Но в документах значится именно князь Романов. Кстати, православная церковь и сегодня настолько организована, что в книге церковных записей можно найти день рождения и всех крестных Евгения Оскаровича. Совсем недавно, когда можно стало свободно общаться с французами, эти материалы были найдены в церкви в Ницце.

Сам Евгений Оскарович так писал о своем детстве: «Я родился в семье русского консула в Ницце, бывшего гвардейского полковника Оскара Петровича Патона. Я любил и побаивался отца. Это был суровый, немногословный человек, скупой на внешние проявления чувств, но в действительности отзывчивый и сердечный. В семье царила строгая дисциплина. Нас, детей, в семье было семеро — пять братьев и две сестры. Больше всего отец не терпел лени и праздности. Девочкам еще давались поблажки, но с мальчиков в семье спрашивали по всей строгости. Отец требовал, чтобы дома все говорили между собой по-русски, но он же настоял, чтобы все мы, кроме родного языка, изучили еще французский, английский и немецкий. За это я был благодарен отцу и через десятки лет».

Детство у великокняжеского крестника складывалось привычно для аристократического круга тех лет: гувернеры, домашнее образование с учителями, приходившими для уроков в консульскую виллу. Будущее сына Екатерина Дмитриевна представляла вполне определенно: старшие ее мальчики учились в Петербурге в Пажеском корпусе, и Евгению также были уготованы эполеты и служба при дворе. В крайнем случае — «должность» помещика в ее родовом имении.

Но отец решительно поддержал интерес сына

к точным наукам, и Евгения отдали сразу в седьмой класс реальной гимназии в Германии, в Штутгарте. «Франция есть Франция, — говорил отец, — здесь и учат игриво». После Штутгарта был Бреславль, куда Оскара Петровича перевели из Ниццы, также на должность консула. А когда Евгений перешел в выпускной класс, начались семейные баталии — мать настаивала на Пажеском корпусе, а сын хотел проектировать мосты. Отец был согласен с выбором сына, он сказал: «Я Евгению поперек дороги не стану». И Евгений продолжил образование на инженерном отделении Дрезденского политехнического института (в те годы он именовался Королевской Саксонской технической высшей школой), где была серьезная мостостроительная школа.

Выбор Евгения Патона predetermined не только его судьбу, но и судьбу его сына — Бориса Евгеньевича Патона. Однако в то время, конечно, еще никто и не предполагал, какая судьба уготовлена династии Патонов.

На инженерном отделении, которое помещалось на Линденауштрассе, с 1888 года Евгений Патон слушал лекции таких известных профессоров, как Цойнер, Моор, Френкель, старался взять от них все, при этом пренебрегая традиционными для немецких студентов развлечениями в винных ресторанчиках. Во время

учебы постепенно формировался характер ученого и инженера, для которого его дело станет не только его специальностью, но и судьбой.

В Германии перед Евгением Патонем открывалась блестящая карьера — кафедра, проектирование мостов, творчество. Знакомые в один голос говорили ему: «Ну что вам предложит Россия — медвежьи углы, ямщицкие тракты?» Надо было решать: вернуться на родину или навсегда остаться в Германии.

Но перед принятием решения на Рождество 1891 года в учебе Евгения в Дрездене настал перерыв. Как подданному российской короны по закону ему надлежало отбыть воинскую повинность. Конечно, можно было, воспользовавшись связями отца, отложить службу до конца учебы. Однако это было не в традициях семьи. Отец сказал: «Тебе полезней подышать воздухом Родины». Долго живя за границей, Оскар Петрович Патон больше всего боялся, чтобы дети не выросли иностранцами. Так Евгений оказался в Киеве.

В Российском государственном историческом архиве хранится воинский билет «младшего фейерверкера Евгения сына Оскара Патона». В нем указано: «Билет сей выписан в г. Киеве 1892 г., дек. 22, № 1307 (по исход. журналу)».

Юный Евгений Патон вряд ли предполагал,

что именно с Киевом будет связано полстолетия его жизни. А тогда, в 1892 году, номером 39 дрезденского студента гренадерского роста приписали к алфавиту, принадлежавшему 4-й батарее 33-й артиллерийской бригады. Ее зимние квартиры помещались на улице Жилянской, а командовал бригадой полковник Ивановский.

Едва Евгений успел переобмундироваться в «Магазине сукон фабрики Штиглица» портного Я. Каплера, как полковник Ивановский сообщил: «Завтра выступаем под Белгород. Курская губерния. Испытание батарейных обслуг на действия в зимних условиях. Ясно?» Кто-то из тех младших офицеров, кто мечтал провести время на рождественских балах в Киеве, в нарушение субординации спросил: «А бал?..» Ответ командира был кратким и доходчивым: «Бал-с? На полигоне будет вам мазурка с выхиласом!»

В воинском билете Евгения Патона записано: «Состоя на службе, обучался действию при артиллерийских орудиях и верховой езде». Будущему академику эти умения в жизни не пригодятся. Но именно в Киеве уже уволенный в запас младший фейерверкер Евгений Патон решит, что как бы ни уговаривали его родственники и знакомые, он должен остаться на родине! Перед отъездом в Германию Евгений сдал в Новозыбкове экзамены на российский аттестат зрелости.

В 1894 году Евгений Патон окончил Дрезденский политехнический институт и стал работать ассистентом на кафедре мостов и инженером-проектантом на строительстве железнодорожного вокзала. С июля 1895 года он уже инженер на мостостроительном заводе фирмы «Гуттехоффнунгсхютте» в Стеркrade.

На выпускном курсе Евгений Патон написал в Петербург прошение о разрешении защищать диплом в России, в Императорском Институте путей сообщения. В Дрездене его упорство в науках было вознаграждено в 1894 году стипендией имени Платона — честь, которой редко удостаивались иностранцы. И при этом в Петербурге для получения серебряного значка российского инженера ему предложили снова сесть на студенческую скамью на целых три года!..

Прославленный профессор Вильгельм Френкель, заведовавший в Королевской школе кафедрой мостостроения и статики строительных сооружений, пригласил талантливого студента быть его ассистентом. Одновременно в техническом бюро по перестройке Гауптбангофа — главного дрезденского вокзала — молодому инженеру Евгению Патону доверяют уже самостоятельное проектирование металлических конструкций («в количестве 62 500 пудов», — уточняет один из архивных документов 1901 года).

А конверты с адресант-печаткой российского Министерства путей сообщения твердят одно: «Отказать. Поелику противу правил». Дома немецкий диплом не признают.

Евгений решился написать прошение на имя царя, что стоило ему немало усилий — сказывался унаследованный от отца гордый и независимый характер. Император Александр III милостиво снизошел до беспокойного подданного своей короны. Господину Патону разрешалось снова стать студентом. Правда, учиться надо было вместо трех лет всего один год. Ему предстоял пятый курс со всеми полагающимися экзаменами.

Евгению очень хотелось работать в России, где бурно развивалось строительство железных дорог и мостов, поэтому он в течение одного года сделал невозможное: сдал все положенные экзамены и проекты. Он работал на пределе сил, чтобы осуществить свою мечту — строить мосты в России.

В рукописном архиве Евгения Оскаровича Патона сохранилась его самохарактеристика, в которой есть такие строки: «От отца я унаследовал:

1. Любовь к независимости.
2. Гордость, несовместимую с заискиванием перед начальством. Поэтому я всегда стыдился просить за себя.
3. Слабо развитую общительность, вследствие

чего я мало вращался в обществе и имел малый круг знакомых.

4. Сильно развитый практицизм. Во всякой работе меня всегда прежде всего интересует ее цель и практическая целеустремленность.

5. Спешку в работе.

6. Требовательность к подчиненным и к себе тоже.

7. Настойчивость в осуществлении намеченной цели».

По поводу общительности Евгений Патон, пожалуй, недооценивал себя. А вот остальные перечисленные качества, конечно, помогали ему преодолевать трудности, идти к поставленной цели, работать на высоком профессиональном уровне.

После окончания института Евгений Оскарович поступил на государственную службу на Николаевскую железную дорогу инженером по расчетам мостов. Затем служил начальником технического отдела управления Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги, с 1898 года он — преподаватель, а затем экстраординарный профессор Императорского Московского инженерного училища. Здесь Патон и начал заниматься научно-исследовательской деятельностью.

Будучи профессором кафедры мостов, Евгений Оскарович Патон в 1902–1904 годах

публикует свои научные труды «Фермы балочных мостов», «Железные мосты», «Опорные части балочных мостов» и участвует в проектировании и строительстве многих мостов, в том числе через реки Матыру, Зушу, Рось.

В 1904 году его приглашают на работу в Киевский политехнический институт (КПИ), где он с 1905 по 1929 год работает ординарным профессором кафедры мостов, а с 1907 года — декан инженерного факультета КПИ. Деятельность Евгения Оскаровича в КПИ в дореволюционной России была отмечена орденами Святой Анны III степени и Святого Владимира IV степени.

В 1913 году, уже будучи известным ученым, Евгений Оскарович заболел и уехал лечиться во Францию. Там его и застала Первая мировая война. Когда он узнал об этом, то сразу же начал собираться домой. Патон понимал, что надо будет строить мосты, и организовал в России мостовой комитет, выпустил пособие по восстановлению мостов, по монтажу накладных понтонов и созданию временных переправ. Евгений Оскарович проектировал мосты различных типов для военного ведомства, заведовал секцией мостов военно-промышленного комитета. Он придерживался стратегии так называемого целесообразного проектирования, направленного на удешевление проектов и строительство мостов за

счет новаций в области конструктивных форм и экономичности использования металла, и первым начал разрабатывать проекты стальных разборных мостов оригинальной конструкции. Такие мосты, так и называвшиеся — «мосты Патона», активно использовались русской армией в Первой мировой войне.

В 1916 году Евгений Оскарович женился на Наталье Викторовне Будде, происходившей из старинного дворянского рода. Ее дед по материнской линии, Виктор Эммануилович Будде, состоял в Пажеском корпусе, служил в Кавалергардском полку. Его брат, Александр Эммануилович, был генералом, двоюродный брат Наталии Викторовны, Евгений Федорович Будде, был известным русским ученым, языковедом, исследователем истории русского языка, диалектологии великорусских наречий, синтаксиса русского языка. С 1916 года он стал членом-корреспондентом Императорской Санкт-Петербургской академии наук, а затем Российской академии наук и АН СССР.

Наталия Викторовна Будде — воспитанница Фребелевского женского педагогического института, который выпускал высококвалифицированных специалистов по дошкольному воспитанию детей. Фридрих Фребель — немецкий педагог и теоретик воспитания,

рассматривал дошкольное воспитание как единственное средство уничтожения общественного зла и улучшения нравов. В его системе воспитания исходным являлось представление о деятельной природе ребенка — его подвижности, непосредственности, постоянном развитии физических и умственных сил, общительности, любознательности. Фребель пропагандировал создание детских садов, содействующих совершенствованию этих природных данных ребенка, он организовал подготовку воспитательниц («садовниц»), создал методику работы с детьми, в основу которой положил развитие органов чувств, движений, мышления и речи, раскрыл воспитательно-образовательное значение игр в детском возрасте.

При Киевском Фребелевском обществе, которое было основано в 1908 году, был создан платный Фребелевский женский педагогический институт с трехгодичным обучением — высшее учебное заведение для подготовки высококвалифицированных воспитательниц. При институте имелись педагогические и психологические лаборатории, детские сады, проводились консультации и летние курсы по дошкольному воспитанию. После Октябрьской революции 1917 года он был преобразован в

Институт народного образования.

Полученное образование наверняка пригодилось Наталье Викторовне, когда у нее родились сыновья — сначала, в 1917 году, Владимир, а потом Борис. И во времена революции, и в тяжелые годы гражданской войны и становления нового государства, и в годы Великой Отечественной войны она была ближайшим другом и помощником Евгения Оскаровича. Ее сестра, Ольга Викторовна, также жила в их семье, помогала воспитывать сыновей, а затем и внучку Евгению, вела домашнее хозяйство.

Надо отметить, что отцом Евгений Оскарович стал довольно поздно. Первенец, Владимир, родился, когда Патону было уже сорок семь. Но женитьба, создание дружной семьи, рождение сыновей — все это способствовало созданию крепкого «тыла», который позволял Евгению Оскаровичу с головой окунуться в работу.

Революцию он встретил в Киеве. В те смутные времена к дворянам отношение было особое. Многие из его коллег уехали за границу. А Патон остался. На вопрос «Почему?» он отвечал: «Мое дело здесь, в России». Политику он всегда считал суетой.

После гражданской войны профессора Патона, несмотря на прибавление семейства, «уплотнили»: подселили какого-то милиционера.

Наталья Викторовна и ее незамужняя сестра ужасно пугались большого черного нагана, который сосед по вечерам чистил на кухне. Обе женщины облегченно вздохнули лишь тогда, когда милиционера сменил начинающий преподаватель математики — талантливый алгебраист, ученик Граве Николай Кравчук. Так случится, что в 1929 году в действительные члены Всеукраинской академии наук (ВУАН) почтенного заведующего кафедрой мостов Патона примут вместе с молодым Кравчуком. А когда в Киеве, на углу Лютеранской и Банковой, возведут большой конструктивистский дом, один из самых первых жилых кооперативов — академический, они с Кравчуком снова станут соседями, только их семьи теперь будут жить в отдельных квартирах. В 1938 году академика Кравчука арестуют как «буржуазного националиста», и он погибнет в сталинских лагерях на Колыме.

Но до сталинских репрессий пока далеко. Да и не коснутся они ни самого Патона, ни его семьи. Когда у сына Патона, Владимира Евгеньевича, спросили, как же отец с его дворянством и иностранным происхождением уцелел во времена репрессий, он ответил: «Отец не интересовался политикой. Не помню, чтобы до войны даже газеты читал... Соседи тряслись, ожидая арестов, а он считал: все это его не касается. Может, такая

позиция и спасла?»

Самого Сталина Патон увидит только один раз, да и то издали — в Большом театре, где торжественно отмечалось 70-летие «великого вождя и учителя». Прославленного академика пригласили на банкет в Кремль. Спиртного он и в молодости не употреблял, но по такому случаю счел неудобным придерживаться своего правила — немного пригубил вина. Евгению Оскаровичу в то время было уже под восемьдесят, он слишком устал, поэтому потихоньку вышел из зала, присел в кресло отдохнуть и задремал. Проснулся, когда рядом с ним оказались двое в штатском, но с офицерской выправкой. С двух сторон они твердо взяли академика под руки и доставили в гостиницу «Москва». Так что все закончилось хорошо, хотя могло быть и иначе...

К счастью, судьба дала возможность Евгению Оскаровичу Патону всю свою жизнь заниматься любимым делом.

В 1918–1929 годах он читал лекции в вузах Киева, подготовил ряд фундаментальных трудов по мостам, опубликованных несколькими изданиями, создал свою школу в области мостостроения. В КПИ Патон воспитал более 180 молодых инженеров, которые выполняли дипломные работы под его руководством. К работе по проектированию мостов ученый привлекал талантливых студентов и

выпускников: реальные проекты защищались в качестве их дипломных работ.

Евгений Оскарович создал Мостоиспытательную станцию на инженерном факультете КПИ, организовал Киевскую мостоиспытательную станцию Народного комиссариата путей сообщения и руководил ею, занимался восстановлением разрушенных и испытаниями строившихся мостов. О масштабах работ свидетельствует тот факт, что при непосредственном участии академика Патона были испытаны более 150 мостов, а также разработан проект восстановления Киевского цепного моста имени Евгении Бош через реку Днепр, возведением которого он в свое время руководил (подробнее речь о нем пойдет ниже).

У этого сооружения непростая история.

В 1920 году отступавшими белополяками был взорван Николаевский цепной мост через Днепр работы Чарльза Виньяоля. Патоны слышали этот взрыв: «На второй взрыв отозвалась посуда в буфете... — вспоминал Евгений Оскарович. — Резко отшвырнув стул, я выбежал на балкон. Моя жена Наталья Викторовна бросилась вслед за мной».

Мост был погублен. Как убедились специалисты, в прежнем виде он уже не подлежал восстановлению. Между тем Киеву была

необходима постоянная переправа через Днепр, так как наскоро восстановленный Стратегический мост не мог служить полноценной заменой Николаевского моста.

Патон предложил властям восстановить взорванный белополяками цепной мост через Днепр, используя уникальную методику. Он проехал по берегу Днепра, разыскал остатки разных мостов, в основном разборных военных, которые он сам когда-то строил, и спроектировал для оставшихся целыми быков новые конструкции, сделав, по сути, уникальное сооружение. Благодаря инженерному таланту Евгения Патона на прежних опорах была проложена совершенно новая переправа балочной системы.

В 1925 году возрожденный мост был торжественно открыт. Сооружение назвали в честь киевской большевички Евгении Бош, которая накануне ушла из жизни.

Мост имени Евгении Бош благополучно простоял до 1941 года. Но следующая война не пощадила его. Теперь уже были разрушены не только пролеты, но и опоры, да так основательно, что вновь использовать их уже не представлялось возможным. Только к 1965 году примерно на том же месте был построен на новых опорах Метромост.

В 1926 году Евгений Оскарович был назначен